

елемент та текст тісно зв'язані між собою, що полегшує для читача сприймання інформації.

Література

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов. Москва: Издательский центр «Академия», 2003. 128 с.

DOI <https://doi.org/10.36059/978-966-397-262-6-31>

В. ПОГРЕБНАЯ

*Національний університет
«Запорізька політехніка»*

БИБЛЕЙСКИЙ ФОН РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

В булгаковедении до сих пор остаётся немало дискуссионных вопросов, среди которых существенным для понимания романа «Белая гвардия» нам представляется вопрос об отношении Михаила Булгакова к религии. Л. Яновская считает, что в романе «Белая гвардия» писатель говорит не о Высшем суде, а о людском [9, с. 112]. М. Каганская называет первый роман Булгакова «произведением атеистическим» [5, с. 97]. Менее категоричен В. Лакшин, который заявляет, что этику писателя можно считать «безрелигиозной, но сохраняющей черты христианской нравственной традиции» [6, с. 28]. Г.А. Лескис [7], М. Шнеерсон [8], напротив, говорят о глубокой религиозности Булгакова, отмечают черты христианского взгляда на мир в философской системе писателя. Цель нашего исследования заключается в изучении библейского фона романа «Белая гвардия», который позволил писателю конкретно-историческую ситуацию перевести в область вечных философско-этических проблем.

М. Булгаков вырос в религиозной семье. Его отец был профессором Духовной академии. Судя по юношеским дневникам

сестры писателя, Н. Булгаковой-Земской, Михаил Афанасьевич, будучи студентом-медиком, увлекался дарвинизмом и, отдавая дань времени, «окончательно, по-видимому, решил для себя вопрос о религии – неверие» [4, с. 69]. Но решение молодого медика в пользу атеизма не было окончательным. В годы гражданской войны он, скорее всего, все же вернулся к религиозному пониманию событий. Важными для нас являются дневники и письма Булгакова, позволяющие увидеть его религиозные взгляды. Уже само заглавие дневника «Под пятой» [3] говорит об отношении писателя к советской власти. 26 октября 1923 года он записывает в дневнике, что просматривал роман Ф. Купера «Последний из могикан»: «там Давид, который все время распевае псалмы, и навел меня на мысль о Боге. Может быть, сильным и смелым он не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о нем легче... вот почему я надеюсь на Бога» [3, с. 148]. В дневнике не раз попадаются такого рода записи: «Помоги мне, Господи!» [3, с. 149]; «доколе, Господи» [3, с. 156]; «Итак, будем надеяться на Бога и жить. Это единственный и лучший способ» [3, с. 148]; «Что будет с Россией, знает один Бог. Пусть он ей поможет!» [3, с. 150].

Характерная особенность художественной структуры «Белой гвардии» заключается в том, что роман пронизывает сложная система лейтмотивов и поэтических символов. Начало романа выдержано в торжественных, библейских тонах: «Велик был год и страшен по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская – вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс» [2, с. 179]. Этот величественный зачин определяет тональность многочисленных лирических отступлений и подтекст всего произведения. Начало русской революции сопоставляется автором с Рождеством, т.е. с основополагающим событием всей европейско-христианской истории. Эти два события противопоставляются: Турбины хотят праздновать Рождество, несущее людям счастье («О, елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем!» [2, с. 179]), но революция отменяет праздник («им придется мучиться и умирать» [2, с. 181]).

Исследователи давно заметили, что символы в романе в большинстве своём являются сквозными. Это обнаруживается уже в эпиграфах к роману. Первый эпиграф взят из главы «Вожатый» «Капитанской дочки» А.С. Пушкина: «Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем, все исчезло. – Ну, барин, – закричал ямщик, – беда: буран!» [2, с. 179]. Тема метели, вьюги, снежной бури лейтмотивом проходит через весь текст «Белой гвардии».

Второй эпиграф: «И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...» [2, с. 179] взят из главы двадцатой «Откровения Иоанна Богослова» [1, 20, 12]. М. Шнеерсон справедливо считает, что оба эпиграфа взаимосвязаны: «Вьюга в «Белой гвардии» – не только символ бунтарской стихии, но и эсхатологическое явление» [8, с. 140]. Представление, что русская революция является началом Страшного суда получило распространение задолго до написания Булгаковым «Белой гвардии» (стоит вспомнить хотя бы «Бесы» Ф.М. Достоевского).

Отец Александр цитирует Апокалипсис на первых же страницах романа. «...Испытания будут еще...», – сказал священник Турбину. И подняв некую книгу, прочитал: «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь» [2, с. 182]. В главе шестнадцатой «Откровения» сказано: «Семь чаш гнева Божия вылиты на землю» [1, 16, 4]. Этот же стих из «Откровения...» приведен вторично в реплике Русакова [2, с. 416]. Размышления Русакова над Библией соотносимы с заключительными авторскими словами: «Всё пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся. <...> Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд па них? Почему?» [2, с. 428]. «Белая гвардия» Булгакова посвящена именно этому вопросу: Почему люди нарушают Божественную заповедь «Не убий»?

Библейским символом в романе является и Город. Киев, вполне реальный город, получает в «Белой гвардии» обобщенное и многозначительное название. Это вызывает ассоциации с древним Римом, символом страны и мира. Торжественно звучащее в романе слово Город отсылает нас и к образам Апокалипсиса: «И все

кормчие, и все плывущие на кораблях ... стали вдали и, видя дым от пожара ее, возопили, говоря: какой город подобен городу великому! И посыпали пеплом главы свои, и вопили, плача и рыдая: горе, горе тебе, город великий...» [1, 18, 19].

Одновременно с темой Города звучит заявленная с первой же страницы тема семьи, дома, веры – как начала всех начал, источника жизни и культуры, залога сохранения лучших традиций и нравственных ценностей. В канун Рождества страстно верующая Елена, убедившись, что брат умирает, обращается с молитвой к Богоматери. Ее образ в первый и последний раз появляется на страницах романа. И именно в этой сцене – потому что Елена молит о сохранении семьи, о защите осиротевших детей. Существенны в контексте всего романа следующие её слова молитвы: «Все мы в крови повинны, но ты не карай. Не карай...» [2, с. 412]. Так возникает тема всеобщей вины и возмездия.

Христианство в романе – это не только дань прошлым векам, писатель много говорит о русской вере, называет церкви, соборы, иконы. В романе неоднократно упоминается памятник князю Владимиру, который в 988 г. принял христианство и сделал эту религию государственной; Золотые ворота; Софиевский собор и фрески на его стенах. В романе встречаются названия и описания христианских обрядов: всенощная (вечерняя церковная служба у православных христиан), глухая исповедь (церковный обряд, таинство покаяния применительно к больному (чаще всего к умирающему), лишенному дара речи), отпевание покойника, литургия. Действие в романе начинается во время Рождества.

Булгаков называет многочисленные предметы культа, подробно описывает одежду священников. Например: «...взмахивали орари» [2, с. 381] (орарь (греч.) – часть дьяконского облачения в виде ленты, перекидываемой через плечо); «фиолетовые камилавки...» (камилавка (греч.) – высокий головной убор православных священников, жалуемый за отличие); «Из придела выплывали стихари...» [2, с. 382] (придел – боковой (добавочный) алтарь в соборе; стихарь (греч.) – длинная, с широкими рукавами одежда (обычно из парчи) дьяконов и дьячков, надеваемая во время богослужения) и др. Вспоминает писатель и «слепцов-лирников» [2,

с. 384–385], которые были колоритной подробностью жизни старого Киева. Обычно они исполняли песню о Страшном суде. Встречаются в романе и библейские изречения «Царские врата» [2, с. 381], «Содом и Гоморра» [2, с. 415] и др. Они появляются именно тогда, когда необходима оценка событий и фактов, когда описываемое выше нужно обобщить, уложить в схему или сослаться на Библию как несомненный авторитет.

Таким образом, основной пафос романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» выражается заповедью: «Не убий!» Писатель философски переосмысливает этот глубочайший постулат Библии. Весь роман обрамляют «Откровения Иоанна Богослова». Появившись в эпиграфе и на первых же его страницах, они в развернутом виде звучат в финале. Текст «Белой гвардии» пронизан скрытыми цитатами, мотивами и намеками, вызывающими ассоциации с Апокалипсисом.

Присутствие библейского начала в «Белой гвардии» проявляется очевидно и отчетливо на сюжетном уровне, также важен лейтмотив храма (начинается роман с отпевания, в середине подробно описана литургия, наделенная дьявольскими чертами и т.д.).

Цитаты, реминисценции, аллюзии на библейские сюжеты и образы в тексте «Белой гвардии» являются авторской «подсказкой» читателю. Они как бы «вводят» в художественный мир романа религиозно-нравственный и культурологический опыт самого читателя. «Вводящими» сигналами выступают: аллюзии на житийные сюжеты и образы, сюжетные мотивы, композиционные детали – эпиграфы к главам, образы-метафоры и знаки-символы, словесная иконография.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва : Республика, 1990. 1230 с. В тексте даны ссылки с указанием главы, стиха.
2. Булгаков М. А. Белая гвардия. *Булгаков М. А. Собрание сочинений в пяти томах*. Москва : Художественная литература, 1989. Т. 1. С. 179–428.
3. Дневники М.А. Булгакова. Публикация и примечания К.Н. Кириленко и Г.С. Файмана. *Театр*. 1990. №2. С. 143–161.

4. Земская Е.А. Из семейного архива. *Воспоминания о Михаиле Булгакове*. Сост. Е. С. Булгакова, С. А. Ляндрес. Москва : Советский писатель, 1988. С. 41–92.

5. Каганская М. Белое и красное. *Литературное обозрение*. 1991. № 5. С. 93–99.

6. Лакшин В. Мир Михаила Булгакова. *Булгаков М. А. Собрание сочинений в пяти томах*. Москва : Художественная литература, 1989. Т.1. С. 4–68.

7. Лескис Г. А. Триптих М.А. Булгакова о русской революции : «Белая гвардия», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита». Комментарии. Москва : ОГИ, 1999. 427 с.

8. Шнеерсон М. «Я – писатель мистический» (К семидесятилетию «Белой гвардии»). *Грани*. 1993. №170. С. 127–159.

9. Яновская Л. М. Творческий путь Михаила Булгакова. Москва : Советский писатель, 1983. 319 с.

DOI <https://doi.org/10.36059/978-966-397-262-6-32>

О. ПРОЦЕНКО

Запорізький національний університет

ОСОБЛИВОСТІ ОПОЕТИЗАЦІЇ «КОЗАЦЬКОЇ ВОЛІ-ДОЛІ» В ІСТОРИЧНІЙ ПОЕМІ В. СЕВЕРИНЮКА «УКРАЇНА КОЗАЦЬКА»

Валентин Северинюк – запорізький письменник, член Національної спілки письменників України; автор науково-популярних видань із історії України, політології й інших суспільно-гуманітарних наук та художніх творів: збірки поезій «Березовий сік» (2018 р.), історичної поеми «Україна козацька» (2015 р.) і поеми-хроніки «Отак ми дружили з Москвою» (2020 р.).

Історична поема В. Северинюка «Україна козацька» – явище оригінальне і самобутнє; «поетична майстерність автора – філігранна» [3]. Рукопис твору було відзначено Міжнародною літературно-мистецькою премією імені Григорія Сковороди Українського фонду культури (2013 р.). Поема перебуває у центрі